

С.К. Игибаев

Восточно-Казахстанский университет. С. Аманжолова,
Казахстан, г. Усть-Каменогорск,
e-mail: aiko-53@mail.ru

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ДОКУМЕНТАХ АРХИВА ГУВЕРСКОГО ИНСТИТУТА

В данной статье на основе изучения архивных документов Гуверского института приводятся страницы из истории установления власти Советов в Туркестане, поражение белогвардейцев в ходе гражданской войны и их уход на территорию соседних государств. Во избежания одностороннего подхода в оценке событий противостояния Временного правительства и Советов в Туркестане в тексте приводятся не только либеральные точки зрения в оценке действий лидеров Краевого Комиссариата Временного правительства (В.А. Климм), но и большевиков (Г. Сафаров). В.А. Климм правильно уловил сложившееся общественное мнение относительно причин провозглашения Туркестанской Автономии в Коканде. Члены правительства Кокандской автономии, по мнению В.А. Климма, рассматривали провозглашение автономии Туркестана в Коканде как организованный протест против тирании и жестокости большевиков, а также как альтернативу власти совдепа. Содержание выступления А. Букейханова на Первом общесибирском съезде свидетельствует, что он был сторонником предоставления казахскому народу полноправной автономии. Как известно, программа партии «Алаш» предусматривала решение земельного вопроса как полномочие правительства Алаш-Орды до созыва Учредительного собрания и поступления дохода в казну автономии. Вооруженные силы, созданные в виде народной милиции, должны были обеспечить оборону автономии и ее граждан. По утвержденной программе партии «Алаш», образование должно было быть на родном языке. Такую «автономию», приближающуюся к независимости, отказались признавать большевики и белогвардейское правительство Колчака.

Рассмотрено политическое воззрение адмирала А.В. Колчака. Судя по его заявлениям, А.В. Колчак не был сторонником неограниченной монархии, отдавал предпочтение верховенству закона, выразил готовность подчиняться решениям Учредительного собрания, которое будет создано после победы над большевиками.

Ключевые слова: Стенфорд, институт, двоевластие, краевой комиссар, Туркестан, террор, автономия, федерация, атаман, барон.

S.K. Igibaev*

East Kazakhstan University named after S. Amanzholov,
Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk,
*e-mail: aiko-53@mail.ru

Pages of History Of Establishment of The Soviet Power and Civil War in Documents of Archive of Hoover Institute

In this article, based on the study of archival documents of the Hoover Institute, pages are given from the history of the establishment of Soviet power in Turkestan, the defeat of the white guards during the civil war and their departure to the territory of neighboring States. In order to avoid a one-sided approach in assessing the events of the confrontation between the Provisional government and the Soviets in Turkestan, the text provides not only liberal points of view in assessing the actions of the leaders of the Regional Commissariat, the Provisional government (V. A. Klimm), but also the Bolsheviks (G. Safarov). V. A. Klimm correctly grasped the prevailing public opinion regarding the reasons for the proclamation of Turkestan Autonomy in Kokand. Members of the Kokand Autonomy government, according to V. A. Klimm, considered the Declaration of Turkestan autonomy in Kokand as an organized protest against the tyranny and cruelty of the Bolsheviks, as well as an alternative to the power of the Sovdep. The content of A. Bukeikhanov's speech at the First all-Siberian Congress shows that he was a supporter of granting the Kazakh people full autonomy. As you know, the program of the Alash party provided for the resolution of the land issue as the authority of the government of Alash-Orda before the convocation of the Constituent Assembly and the receipt of income to the Treasury of the autonomy. The armed forces, created in the form of the people's militia, were supposed to ensure the defense of the autonomy and its

citizens. According to the approved program of the Alash party, education should have been in the native language. The Bolsheviks refused to recognize this "autonomy" approaching independence.

The political view of Admiral A.V. Kolchak is considered. The content of A. Bukeikhanov's speech at the First all-Siberian Congress shows that he was a supporter of granting the Kazakh people full autonomy.

Key words: Stanford, Institute, dual power, regional Commissioner, Turkestan, terror, autonomy, Federation, ataman, Baron.

С.К. Игібаев*

С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті,
Қазақстан, Өскемен қ.
*e-mail: aiko-53@mail.ru

Кеңес өкіметінің орнауы мен Азамат соғысы тарихының беттері Гувер Институтының архив құжаттарында

Бұл мақалада Гувер институтының архив құжаттарының негізінде кеңес өкіметінің Түркістанда орнауы, азамат соғысы барысында ақгвардияшылардың жеңілуі және олардың көрші мемлекеттердің жеріне кетуі қарастырылған. Түркістанда Уақытша Өкіметтің өлкелік Комиссариаты мен Кеңестердің бір-біріне қарама-қарсы тұрған жағдайды бағалауда тек либералдық көзқарас қана емес (В.А. Климм), большевиктердің (Г. Сафаров) пікірі де келтірілген. В.А. Климм Қоқанда Түркістан автономиясын жариялау себептеріне қатысты қалыптасқан қоғамдық пікірді дұрыс сезген. В.А. Климмнің пікірінше, Қоқанда Түркістан автономиясының жариялауы большевиктердің тираниясы мен қатыгездігіне қарсы ұйымдастырылған наразылық, сондай-ақ совдеп билігіне балама ретінде қарастырды. Ә. Бөкейхановтың бірінші жалпы Сібір съезіндегі сөйлеген сөзінің мазмұны оның қазақ халқына толық автономия беруді жақтаушы болғандығын айғақтайды. «Алаш» партиясының бағдарламасы жер мәселесін Құрылтай жиналысын шақырғанға дейін және автономия қазынасына кіріс түскенге дейін Алаш Орда Үкіметінің өкілеттігі ретінде шешуді көздегені белгілі. Халық милициясы түрінде құрылған қарулы күштер автономия мен оның азаматтарын қорғауды қамтамасыз етуі қарастырылған. «Алаш» партиясының бекітілген бағдарламасы бойынша, жастарға білім беру жүйесі ана тілінде жүргізілетін болуы керек еді. Тәуелсіздікке жақындаған мұндай «автономияны» большевиктер мойындаудан бас тартты. Адмирал А.В. Колчактың саяси көзқарасы қарастырылған. Оның мәлімдемесіне сүйенсек, А.В. Колчак шексіз монархияның жақтаушысы болған жоқ, заңның үстемдігін жақтады, большевиктерді жеңгеннен кейін шақырылатын Құрылтай жиналысының шешімдеріне бағынуға дайын екенін білдірді.

Түйін сөздер: Стенфорд, институт, қос өкімет, өлкелік комиссар, Түркістан, террор, автономия, федерация, атаман, барон.

Введение

В советской исторической науке история установления Советской власти и гражданской войны излагалась на основе источников, позволяющих раскрывать события в основном с точки зрения классового подхода. Источники, не соответствующие по содержанию советской идеологии, не были введены в научный оборот. Для объективного, полнокровного раскрытия исторических событий необходимо, на наш взгляд, использовать и источники противоположного содержания.

Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили документы архива Гуверского института, собранные автором в период научной стажировки в США.

При написании данной статьи автор руководствовался основной теорией исторической науки – методологией историзма, излагая исторические события, по возможности, хронологически последовательно. Учитывая генеральные принципы современной цивилизационной методологии, сделана попытка изложить материалы на основе сопоставления и анализа, приведя точки зрения исследователей (Г. Сафарова, Т. Рыскулова, Д.Р. Першина и др.). При обобщении материалов по данной статье использован синтезный метод.

Обсуждение

История установления Советской власти и гражданской войны, в том числе на территории Казахстана изучена в духе марксистско-ленинской концепции в трудах С.Н. Покровского, Т.

Елеуова, К. Нурпеисова, Г.Ф. Дахшлейгера, З.А. Алдамжарова и др. Полярно противоположные взгляды относительно характера действий Советов на национальных окраинах отражены в трудах А. Байтурсынова, Г. Сафарова, Мустафы Чокай-оглы и др. Документы Гуверского архива, приведенные автором, возможно, в определенной степени позволят молодым исследователям по новому оценить историю Октября и гражданской войны, включая территорию Казахстана и Средней Азии.

Результаты

Документы фондов архивов дальнего зарубежья отражают отдельные эпизоды истории Казахстана. Так, например, *архивные документы Гуверского института (Стенфорд, Калифорния, США)*, отражающие исторические события в период установления Советской власти и гражданской войны, представлены в виде писем, приказов, дневников, очерков, телеграмм и т.д.

В рукописи В.А. Климма, сотрудника Министерства иностранных дел России в Китае, написанной на двух языках – английском и русском, содержатся сведения, раскрывающие политику царизма в отношении среднеазиатских ханств, последствия двоевластия в период Временного правительства.

Туземное население Туркестана, пишет автор, одинаково страдало от недостатка продовольствия, снабжения и от плохого управления. Прежние власти – окружные начальники и их подчиненные были уволены со службы, а положение новых было весьма неустойчивое, главным образом потому, что в крае царил двоевластие. Приказы, издававшиеся Туркестанским Комитетом, часто вступали в противоречие с декретами Местного совета, каковой колебался где-то между большевиками и государственными настроениями. «Совет постоянно вмешивался в гражданское управление краем, посылая в различные области и города специальных делегатов, с полной властью производить расследования на местах.» (Klemm, 1926: 25).

Специальный институт Краевого Комиссариата был создан законом Временного правительства от 26 августа 1917 года. Краевому комиссару были приданы два помощника, один – по гражданской, другой – по военной части. Роль Туркестанского Комитета становилась теперь только совещательной в законодательных делах и без ведома и санкции Краевого Комиссара, никакой закон, относившийся к Туркестану, не

мог воспринять силы. Комиссар имел право доверить любому члену Комитета некоторые административные функции.

Комиссар, генерал Коровиченко представлял из себя типичную фигуру режима Керенского. Адвокат по профессии, он был человеком высоких моральных качеств. После революции он стал комендантом царскосельского дворца, и ему была вверена охрана покойного царя и его семьи. Он был одним из тех мечтателей, которые верили в бескровность русской революции.

Пост помощника Краевого комиссара по гражданским делам был представлен графу Дорер, человеку больших способностей, который в начале революции находился во главе управления Закаспийской областью. Командир 17-го Оренбургского казачьего полка полковник Бурлин стал помощником Краевого комиссара по военным делам.

«Белому террору по своей жестокости не уступал Красный террор. Большевики», утверждает В.А. Климм, «поддерживаемые мадьярами и немцами, не останавливались ни перед какими мерами, безжалостно убивая жителей и разрушая дома, в то время как Краевой комиссар воздерживался все время от крайних мер и даже не допустил бомбардировки железнодорожной станции Ташкента, которая была твердыней и оперативной базой восставших».

31 октября 1917 г. резиденция Краевого комиссариата капитулировала. Большевики, захватившие власть в Ташкенте, дав согласие на то, что никто не будет арестован, не сдержали своего слова и арестовали всех кадетов, которые были на форте, равно как и Коровиченко, Бурлина, Дорера и Шендрикова, «всего по меньшей мере 300 человек.» (Klemm 1926: 55). Все арестованные были отправлены в тюрьму, за исключением Коровиченко, который содержался в караульном помещении на форте. По мнению автора, ответственность за поражение лежит главным образом на генерале Коровиченко. Если бы он выказал более решительности и смелости, положение могло бы быть спасено. Он имел такую веру в честность народа, что, подписавши соглашение с большевиками, спокойно отправился в баню. Когда был схвачен и посажен в одиночную камеру караульного помещения, оттуда уже ему не было суждено выйти живым. Месяцем позднее он был убит в этой камере солдатами. Заключение под стражею было для Коровиченко постоянною пыткой: его, например, показывали за деньги посетителям, и он, за несколько дней до смерти, был жестоко избит и ранен в голову

прикладом винтовок. Убийство генерала было совершено с ведома Исполнительного Комитета «Совдепа».

Вскоре после убийства генерала Коровиченко большевики совершили убийства графа Дорера, генерала Кияшко, генерала Смирницкого, военного инженера, полковника Бека, капитана Русакова и многих других.

13 декабря была объявлена мусульманская демонстрация по случаю провозглашения автономии Туркестана.

Очень немногие знали, что означала собою эта автономия. Ее инициаторами были некоторые члены старой магометанской партии «Улема» и партия младосартов, назвавшаяся «ШурайИслами». Всего около сотни людей, которые в декабре месяце 1917 года собрались в Коканде, провозгласили автономию Туркестана и избрали из своей среды правительство, все члены которого были магометане, с единственным исключением в виде одного еврея по фамилии Герцфельд, адвоката по профессии. «Среди других два члена бывшего Туркестанского Комитета, Чокаев и Тынышпаев (оба киргизы и магометане), стали также членами этого правительства.» (Klemm, 1926: 87).

Общественное мнение в Туркестане рассматривало провозглашение автономии главным образом как организованный протест против тирании и беззакония большевиков, которые уже стали прилагать усилия к тому, чтобы распространить власть над другими городами и районами Туркестана, где власть еще не перешла в руки «совдепов».

Манифестация по случаю провозглашения автономии была названа «Праздник Туркестанской Автономии», или по-туземному «Майрами-Мухтариат». В знак симпатии к этому празднеству были закрыты на этот день все почтовые и телеграфные учреждения.

Во всех городах демонстрация проходила спокойно, но в Ташкенте она закончилась кровопролитием. Большевистские правители Ташкента знали о предстоящей манифестации и на собрании «Совдепа» дебатировали вопрос о том, допустить эту демонстрацию или нет. В конце концов большинством пяти голосов было решено демонстрации не допускать. За день перед демонстрацией на всех стратегических пунктах Ташкента были поставлены войска. Перед тюрьмой были выставлены пулеметы. Однако толпы магометан свободно допускались из старого города в новый. Толпа, не встречая сопротивления, подошла к тюрьмам и добилась освобождения

кадетов, графа Дорера, Кияшко и других. Только тогда, когда толпа была уже на своем обратном пути в старый город, неожиданно раздалась ружейные залпы по ней. Напуганные сарты разбежались; некоторые арестанты были убиты, а автомобиль, на котором медленно поехали граф Дорер и другие, был захвачен и увезен в крепость.

В ночь с 13-го на 14-е декабря большевиками было организовано нечто вроде суда. Дорер, Кияшко, Бек и Русанов были присуждены этим судом к смерти. Нужно заметить, что эти лица, «когда толпа пришла освобождать их, не оставляли тюрьмы до тех пор, пока не получили приказа большевистских властей об их освобождении» (Klemm:60). Те самые люди, которые дали этот приказ, подписали им теперь смертный приговор. Затем последовало нечто ужасное. Арестованные люди были подвергнуты пыткам и погребены, когда были еще живыми. Крики истязаемых жертв были слышны за крепостною стеною, и с целью заглушить эти крики солдатам было приказано петь «Марсельезу». Доктор Слоним, которому пришлось увидеть тела жертв, говорит, что «они представляли бесформенные массы, так что было почти невозможно узнать их. У графа Дорера был отрезан язык и выколоты глаза; у Кияшко были сломлены руки и ноги и т.д.» (Klemm 1926: 61). Жамес Вунян в своем дневнике отмечает жестокость большевиков при установлении своей власти в Ташкенте: «...неистовства большевиков в Ташкенте после вытеснения оттуда сторонников Осипова отличались особой жестокостью. В одном Ташкенте расстреляно около 5000 человек без различия пола и возраста, конечно, без суда» (James Vunjan, 10).

Следует заметить, что руководство Временного правительства в Туркестане не было сторонником решения проблем мирным путем. По утверждению коммуниста Г. Сафарова, члены туркестанского краевого Совета вели переговоры с генералом Коровиченко и всячески старались наладить отношения, но от которого упорно уклонялся генерал, давая всякие подписки и обещания с тем, чтобы все это самым беззастенчивым образом нарушить, «генерал стучал кулаком по столу и кричал: Кровью залью Ташкент, но на своем поставлю!» (Сафаров:107). Г. Сафаров также заметил низкий теоретический уровень некоторых участников установления Советской власти в Туркестане. Он утверждал как очевидец: «Грабеж киргиз продолжается уже под «советской» формой». (Сафаров 1996:139).

Отдельные члены Турцика были далеки от интернационалистических чувств. Так, например, коммунист Тоболин на одном из заседаний Турцика, вступая в полемику с Т. Рыскуловым, заявил: «Киргизы, как экономически слабые с точки зрения марксистов, все равно должны будут вымереть; поэтому, говорил он, для революции важнее средства тратить не на борьбу с голодом /что все равно не достигнет цели/, а тратить на поддержку лучше фронтов» (Рыскулов 1925: 4). Т. Рыскулов осуждал взгляд одного из участника установления Советской власти в Туркестане, Тоболина.

Большую ценность представляют дневники Петра Вологодского, который был в составе Сибирского правительства Колчака, председателем Земельного областного Комитета. П. Вологодский начал дневник с 24 мая 1918 года и продолжил по 1925 год. Всего 7 дневников: события 1918 г. излагаются в тетрадах №1, 2; в тетради №3 рассматривается 1919 год, №4 – 1920-1921 годы; тетрадь №5 посвящена 1922 году; в тетради №6 запись ведется с 7 января 1923 года по 1 ноября 1924 года, а в тетради №7 фиксированы события с 4 ноября 1924 года по 1925. П. Вологодский был участником Первого общесибирского съезда народов, состоявшегося в октябре 1918 года в Томске.

В повестку дня этого мероприятия были включены такие актуальные вопросы, как национальное, областное устройство Сибири, образование общесибирского экономического органа и земельный вопрос. Участники форума представляли по своим политическим взглядам и религиозным убеждениям, социально-хозяйственным статусам различные направления, партии и движения. Съезд был многонациональным. Казахов было 9 человек.

Съезд проходил в большом зале библиотеки Томского университета. А открыл его, по поручению известного сибироведа (друга Шокана Валиханова) Григория Потанина, В. Крутовский.

Выступали на съезде представители казахского народа Г. Ермеков и А. Букейханов. «Все ораторы, выступавшие здесь, – сказал А. Букейханов, – произнесли прекрасные речи, так как они прошли хорошую школу. Но и мой народ, пославший меня, прошел большую школу – школу Столыпина и Плеве. Когда началась война, всем национальностям было заявлено, что мы воюем не за рынки, не для обогащения капиталистов, а за свободу, за самоопределение народов, и теперь мы требуем, чтобы нам дали то, что обеща-

ли. Когда началась революция, мы обрадовались ей больше всех, так как мы страдали сильнее других, выносили на своих плечах массу несправедливостей и своеволия. Здесь нам говорят о федерации и об автономии, мы же требуем себе самоопределения, предоставления нам права самим решить, как нам управляться и жить. Нельзя управлять страной из Петрограда, конечно, то же можно сказать и про Сибирь – нельзя ею управлять из одного места. Я представляю себе Россию федеративными штатами не по губерниям, а по областям: район озерный – один штат, московский промышленный район – другой, приволжские губернии – третий, северный край европейской России – четвертый, приуральский край – пятый и т.д. Счастье народа будет только в федерации. Нужно предоставить народам жить не по Марксу, не по готовым формулам, а так, как они захотят» (Vologodskii, 15).

В архиве Гуверского института имеются материалы, отражающие гражданскую войну и действия белогвардейских генералов – А.И. Деникина (1872-1947), Корнилова, адмирала Колчака и атаманов.

Зверство белогвардейского отряда атамана Анненкова достаточно отражено в публикациях советского периода. В Славгороде анненковцы зарубили 400 делегатов крестьянского съезда. Они произвели массовые казни в Семипалатинске, Усть-Каменогорске. Казаки Анненкова замучили 250 арестованных в Усть-Каменогорске. В Черкасске от их рук погибло более тысячи восставших крестьян. Встретив упорное сопротивление населения, анненковцы были вынуждены оставаться с 24 декабря 1918 года до апреля 1920 г. в Лепсинском уезде, в Уч-Арале. В Китае, за распоряжение скрыть часть оружия, он был арестован и в течение трех лет, с начала 1921 года по 1924 год, находился в тюрьме г. Урумчи. Атаман Анненков и его начальник штаба Денисов в 1926 году, признав свои преступления, прибыли в Москву. В 1927 году решением верховного суда СССР они были приговорены к высшей мере наказания-расстрелу.

В архиве Гуверского института сохранились приказы атамана Анненкова, данные им партизанскому отряду. Так, в приказе №1 от 18 марта 1920 г. Пикет Ргаиты пишет:

«Восстание в с. Герасимовке и переход на сторону красных некоторых тыловых частей поставили отряд наш в тяжелое положение, так как мы потеряли тыл. Для того чтобы выйти из тяжелого положения и сохранить живую силу отряда и честь, я решил со всеми оставшимися верными

партизанами отойти в новый район для продолжения борьбы с большевиками.

Твердо веря в то, что власть большевиков, власть коммунистов, продержится недолго и народ испытает на себе его иго и сам поднимется против них, я буду продолжать вести партизанскую борьбу с большевиками до тех пор, пока хватит сил и жизни.

Теперь, когда отряд в тяжелом положении, когда у многих остались семьи и родные у красных, я приказываю всем командирам частей отпустить из рядов своих тех, кто не чувствует себя достаточно сильным для дальнейшей борьбы с красными.

Подлинный подписал: Атаман Анненков.

Скрепил: начальник штаба, полковник Денисов.» (Список исключенных членов Р.К.П. Каркалинского уезда. ГАВКО.ф.13.оп.1.д.13).

В приказе (копия) отдельной Семиреченской армии №18 от 26 марта 1920 года говорится, что войска южной группы под давлением противника и под влиянием внутренних восстаний отчасти вынуждены были перейти в пределы Китая, отчасти сдали оружие и признали советскую власть. Войска северной группы под давлением противника и ввиду отсутствия боевых припасов, отходя с боем от рубежа и до рубежа, также вынуждены были перейти границу и интернироваться в Китае. Части партизанского отряда «Орлиное гнездо» моего имени, не имея тыла и будучи со всех сторон отрезанными противником, разбив 11 марта красных в Учъ-Арале, взяв у них все пулеметы и обозы, вынуждены были оставить занимаемые ими деревни и отойти в горный район Чулак-Сельке, где и расположились укрепленным лагерем. Ввиду того, что отдельная Семиреченская армия уменьшилась в своем составе и существовать как таковая не может все части армии, оставшиеся на территории России, свести в отдельный партизанский отряд моего имени.

Ввиду полной изолированности партизанского отряда от правительства Колчака, ввиду неимения руководящих указаний свыше, оставляю за собой права Главнокомандующего, с полномочиями Верховной власти, в районе занимаемом частями отряда.

Подлинный подписал: Атаман Анненков.

В секретном приказе №8 от 31 марта 1920 года атаман Анненков сообщил своим сослуживцам, что он в этот день имел свидание на границе со старшим адъютантом Кульджинского Дзянь-Дзюня. Адъютант был командирован Анненкову для того, чтобы узнать его дальней-

шие намерения. Китайский представитель капитан Хоздан сообщил, что отряд генерала Бакича перешел границу и был разоружен. Атаман Дутов и полковник Сидоров также перешли границу и также были разоружены. Хоздан говорил, что китайские власти очень хорошо отнеслись к разоруженным, отвели район и выдают пищу. Все это говорилось для того, чтобы, если анненковцы перейдут границу, то им также будет оказана помощь и гостеприимство.

Для того, чтобы перейти границу, – отмечает Анненков, – нужно привести себя в полный порядок, сформировать полки и батареи. Командирам полков сформировать сотни, имея в строю не свыше 120 бойцов. Излишки людей передать в Кирасирский гвардейский полк. В конных батареях иметь не свыше 70-75 партизан.

После перехода отряда Анненкова на территорию Китая число людей в отряде значительно уменьшилось. Разоруженные отряды Анненкова были 3 октября 1920 году в г. Урумчи (приказ №1 от 3 октября 1920 г.). В отдельной ударной батарее партизанского отряда атамана Анненкова было 3 октября 1920 г. в 1-ом взводе 40 человек, во втором взводе – 38 человек, нестроевой команде – 13 человек, всего – 91 человек, 109 лошадей. 9 февраля 1921 г. Анненковцы были в городе Гучен.

Среди анненковцев началась анархия. Так, по содержанию приказа полковника Денисова, исполнявшего обязанности атамана Анненкова, сидевшего в китайской тюрьме: подхорунжий Скатов и чиновник Драгунов в пьяном состоянии 22 мая сказали: «Дели отрядные ценности и расходись в разные стороны». Приказом от 24 мая 1921 года №0018 город Гучен они были разжалованы в рядовые, лишены партизанского звания, исключены из отряда, взяты под арест впрямь до отправления их как преступников в распоряжение китайских властей.

Китайское правительство было заинтересовано в возвращении анненковцев в Россию. В приказе руководства партизанского отряда отмечено, что китайские власти Гучена сообщили полковнику Денисову о том, что у них получено распоряжение из Урумчей от генерал-губернатора, что русским партизанам разрешается небольшими группами, конечно, желающим и при условии выхода из отряда следовать в Россию через Пекин, а можно отправлять их непосредственно из Гучена.

Условия похода таковы: на 5-6 человек дается одна арба до Лянь-Джоу – главного города следующей провинции Гань-су, где арба заменя-

ется другой. Денег дают на всю дорогу до Пекина 28 лан 6 мискалов серебром; из них 16 лан серебром считается за коня; кроме того, каждый получает 7 лан бумажными на дорогу до границы соседней провинции. Денисов подчеркнул, что горячо любимый ими атаман вот уже пятый месяц томится в неволе у китайцев. «Я, как близко стоящий к атаману, скажу, что вся политика китайцев со дня перехода нашего границы велась к тому, чтобы атаман бросил отряд и уехал в Пекин и оставшимся партизанам, по мнению китайцев, ничего не оставалось делать, как возвращение в Советскую Россию».

Добровольцев, служивших в белогвардейских частях, советская власть взяла на контроль. Так, по Каркалинскому уезду «Исабекова Ж. как служившего добровольцем отряда Анненкова, и Хабибуллина М, служившего в армии Дутова» исключили из рядов РКП (Список исключенных членов Р.К.П. Каркалинского уезда. ГАВКО. ф.13.оп. 1. д. 13).

С.Л. Войцеховский вкратце охарактеризовал биографию Ф.И. Голощекина. По его данным, Шая Исаевич Голощекин родился в 1876 году в г. Невеле Витебской губернии в семье мелкого подрядчика. После окончания гимназии в Витебске и зубо-врачебной школы в Риге в 1903 г. он переехал в Петербург. В столице некоторое время работал зубным врачом, но бурный 1905 год заставил навсегда оставить эту профессию. Он был знаком с нелегальной марксистской литературой. Первая русская революция сделала Ф.И. Голощекина профессиональным революционером. Он стал членом петербургского комитета партии. Филипп – его партийная кличка. 26 января 1918 года третий съезд советов Урала постановил организовать областной военный комиссариат. «Облвоенкомом съезд избрал Ф.И. Голощекина.» (Voisekhovskii, 177).

Президиум Уральского совета обратился во ВЦИК с предложением о переводе Романовых из Тобольска в Екатеринбург. Ф.И. Голощекин на заседании президиума ВЦИК делает доклад о положении дел в Тобольске и о предложениях Уральского совета в отношении царской семьи. Было решено перевести Романовых в Екатеринбург. «ВЦИК возложил на Голощекина личную ответственность за выполнение операции.» (Voisekhovskii: 187).

В документах, отражающих деятельность временного Сибирского правительства содержится сведения об адмирале Колчаке, об есауле Г.М. Семенове (1890-1945 гг.), ставшем атаманом благодаря героизму, бароне Унгерн-

Штернберге и о других российских генералах, боровшихся против Советской власти в Сибири. В материалах отражены деятельность председателя Совета Министров Сибирского правительства П.В. Вологодского, управляющего делами правительства профессора Гинса и других. Судя по содержанию архивных источников, большевики стали превосходить белогвардейцев по численности и по вооружению. Так, в распоряжении командующего Восточным фронтом Лазо было до 30 тысяч штыков и сабель с достаточной насыщенностью техническими частями и артиллерией. Белогвардейской армии существенную помощь оказали бронепоезда, поступившие на вооружение белогвардейцев с середины апреля 1918 года. Симпатия народа была на стороне красновардейцев. Частые реквизиции, разорявшие крестьян и жестокость белогвардейских командиров (Анненкова, Унгерна и др.), лишили белогвардейцев окончательных народных симпатий, – как отмечали сами – представители контрреволюционных сил. «Сибирь была разделена на сферы влияния между Колчаком и атаманом Семеновым» (Hoover institution archives. Stanford, California. XX 196 –10.V. 1 Folder.).

Колчак, пришедший к власти в Омске 18 ноября 1918 года, не ставил свою власть выше Учредительного собрания. По его мнению, когда большевики будут окончательно разгромлены, назначит дату выборов Учредительного собрания. Он считал себя ответственным перед Учредительным собранием и заявил, что он готов передать ему все свои полномочия, чтобы он мог свободно определять систему правления. Учредительному собранию, подчеркнул Колчак, будет предоставлено суверенное право решать проблемы российского государства как во внутренних, так и во внешних делах страны.

«I. On November 18. 1918, I assumed power and I shall not retain that power one day longer than is required by the interest of the country; my first thought at the moment when the Bolsheviks are definitely crushed will be to fix the date for the elections of the constituent Assembly. Commission is not at work on direct preparation for them on the basis of universal suffrage. Considering myself as responsible before that constituent Assembly I shall hand over to it all my powers in order that it may freely determine the system of Government; I have moreover, taken the oath to do this before the supreme Russian Tribunal, the guardian of legality...

It is to the legally elected Constituent Assembly alone, which my Government will do its utmost to convoke promptly, that there will belong the sover-

eign rights of deciding the problems of the Russian state both in the internal and external affairs of the Country.» (Hoover Institution Archives. Stanford, California. Telegram from Mr. de Martel, French charge d'Affaires at Omsk to French Ministru of Foreign Affaires).

Колчак не был сторонником возврата к режиму, господствовавшему до февральской революции 1917 г. в России. «...I make a point of repeating that there cannot be a return to the regime which existed in Russian before February 1917.»

Г.К. Гинс, работавший управляющим делами Омского правительства при Колчаке, в своем воспоминании «За любовь к России – расстрелять!» охарактеризовал приход к власти в Омске адмирала Александра Васильевича Колчака. (4(16).11.1874-7.2.1920). По данным Г. Гинса, после избрания директории, Колчак направился к Деникину через Омск. Его просили остаться в Омске. Директория предложила ему пост министра по военным и морским делам. 4 ноября 1918 г. он был назначен на эту должность Сибирского правительства. «Желающие твердой власти общественные круги уже замыслили в это время свержение Директории и остановили свой выбор на адмирале, наметив его в качестве диктатора.» (Kazakov, 1992: 47-48). 18 ноября 1918 года при поддержке белогвардейских офицеров и интервентов А.В. Колчак произвел переворот и установил военную диктатуру, «приняв титул «верховного правителя Российского государства» и звание «верховного главнокомандующего». (Kazakov, 1992: 3). Гражданская жена А.В. Колчака Анна Васильевна Тимирова (А.В. Сафонова) была репрессирована, отбывала наказание в Караганде, Рыбинске, Енисейске и только в 1960 году была реабилитирована, проживала в Москве. Скончалась 31 января 1975 года.

На допросе в Иркутском ЧК на вопрос «Были ли Вы монархистом или нет?» адмирал Колчак ответил: «Я был монархистом и несколько не уклоняюсь.» (Hoover institution archives. Stanford, California. D.P. Pershin. box №1,2,8. XX 579-21.03). Такой ответ свидетельствует о том, что Колчак был сторонником монархии, ограниченной верховенством закона. Адмирал Колчак, как указано в источниках, расстрелян на льду Ангары в феврале 1920 года

Ж. Вуниан отмечает оперативность красноармейцев при захвате радиостанции Деникина и Колчака, находившейся в форте Александровском на Каспийском полуострове Мангышлак. Красноармейцы внезапным налетом заняли форт

Александровский и радиостанцию. Эта радиостанция, довольно мощная, была единственным средством связи между ставками Колчака и Деникина. Большевикам удалось разгадать шифр. Колчаку и Деникину станция отправляла дезинформирующие фальшивки. 5 мая от Деникина была получена радиограмма следующего содержания: «К адмиралу Колчаку на судне «Лейла» направлена военная делегация во главе с генералом Гришиным-Алмазовым. В виду особой важности, необходимо встретить судно в море и сопровождать до Гурьева» (James Bunjan). Красноармейцы устроили «Лейле» ловушку. При захвате судна генерал Гришин-Алмазов застрелился. В руки большевиков попали ценнейшие документы: личные письма Деникина к Колчаку, детально разработанные стратегические планы Деникина, Колчака, Юденича.

Д.П. Першин в своих записках «Барон Унгерн, Урга и Алтын-булак. Записки очевидца о смутном времени во внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX-го века» раскрывает антисоветскую деятельность барона Унгерна, вытесненного с территории России на территорию Монголии силами Советской власти.

Д.П. Першин отмечал, что после кяхтинской неудачи у барона Унгерна была мысль пробраться через Урянхайский край в Енисейскую губернию, а затем в Западную Сибирь, чтобы «средисибирского крестьянства поднять антибольшевистское движение». Барон совершенно не знал о том, что большевики уже закрепили свои позиции в 1921 году в Сибири.

Большинство белогвардейских офицеров считали правильным немедленного отступления на восток – Маньчжурию, под защиту маршала Чжань-Цзолина не сменяемого главы трех маньчжурских провинций и яркого противника большевиков (Smele: 12).

Жестокость барона, в особенности с офицерским составом, недостаток и нехватка довольствия, снаряжения и проект барона идти на Урянхай породили недовольство и привело к заговору против Унгерна и его ближайшего помощника генерала Разухина. Во главе заговора против Унгерна в Урге стояли полковые командиры. Мятежные офицеры открывают по Унгерну пулеметную огонь и ему удалось спастись бегством. Унгерн рассчитывал на поддержку отряда монгольского князя Сундуйгун. Сундуйгун, по-видимому, соглашается помочь барону и приказывает своим солдатам поехать вместе с ним в отряд барона, находив-

шегоса всего в нескольких верстах от его ставки. Во время эскорта Сундуй-гун и его солдаты связывают Унгерна по рукам и ногам и передают его Советской власти. Барон Унгерн в Ново-Николаевске (Новосибирск) решением суда «приговорен к смерти.» (Hoover institution archives. Stanford, California. D.P. Pershin. box №1,2,8. XX 579-21.03).

«В архиве Гуверского института хранятся протоколы заседаний краевого продовольственно-экономического Комитета Западной Сибири и Урала, составленные в Омске 17-21 октября 1917 г.»

Согласно имеющимся статистическим данным, наличность скота по губерниям выглядела так:

№	Название губерний	Крупный рогатый скот	Овцы	Свины
	Алтайская	2.100 т.	1.513 т.	384 т.
	Акмолинская	700	110	120
	Курганская	510	405	100
	Семипалатинская	1.150	3.000	45
	Тобольская	1.450	1.700	760
	Томская	1.590	1.608	700
	Итого	7.500 т.	8.336 т.	2.109 т.

Комиссия отмечает, что приводимые в таблице данные относятся к переписи 1916 года – по губерниям Семипалатинской, Тобольской, Акмолинской и Курганской и к переписи 1917 г. – по Алтайской и Томской.

Заключение

Таким образом, материалы архива Гуверского института (США) содержат редчайшие сведения

об установлении власти Советов в Ташкенте, конкретные сведения о казачьем отряде Анненкова, протоколы Первого общесибирского съезда народов, отражающие актуальные проблемы, поднятые депутатами съезда, – о государственных формах правления, национальный и земельный вопросы. Содержание выступления А. Букейханова на общесибирском съезде народов показывает, что он добивался для казахов широкой автономии в составе Российской Федерации.

Литература

- Klemm V.A. (1926). 26012-10V. Pening, August 31.
 James Bunjan. (1917). Дневник Российского консульства в Кашгаре. Hoover institution archives. Stanford, box №1. Accision №8 т.07.
 Сафаров Г. (1996). Колониальная революция (Опыт Туркестана). Алматы «Жалын», 200 с.
 Рыскулов Т. (1925). Революция и коренное население (сборник главнейших статей, докладов, речей и тезисов). С предисловием автора. Ч.1. 1917-1919. Узбекское государственное издательство. Ташкент.
 Vologodskii P.V. (1929). Papers, 1918-1928. Prime minister, Wite Russian Omsk, government, 1918-1919. Hoover institution archives. Stanford, box №1 XX 566 – 8m.40
 Hoover institution archives. Stanford, California. Annenkov Boris Vladimirovich 1890-1927. Orders.1 Folder.
 Список исключенных членов Р.К.П. Каркалинского уезда. ГАВКО. ф.13. оп.1. д.13.
 S.L. Voisekhovskii Hoover institution archives. Stanford, California. box №1. Голощекин. с. 173-182
 Hoover institution archives. Stanford, California. XX 196 – 10. V. 1 Folder.
 Hoover institution archives. Stanford, California. Telegram from Mr. de Martel, French charge d Affaires at Omsk to French Ministru of Foreign Affaires. Despatched Omsk 4th June > Received Paris 5th June > 1919 MostURCent.
 Казаков В.К. (1992). «Прости, великий адмирал!...». Сборник. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 72с.
 Hoover institution archives. Stanford, California. D.P. Pershin. box №1,2,8. XX 579-21.03.
 O Smele J.D. (2015). The “Russian” Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World. London, 10-35 pp.

References

- Klemm V.A. (1926). 26012-10V. Pening, August 31.
- James Bunjan. (1917). Diary of the Russian Consulate in Kashgar. (Dnevnik Rossiyskogo konsul'stva v Kashgare) Hoover institution archives. Stanford, box №1. Accision №8 т.07.
- Safarov G. (1996). Colonial revolution (Experience of Turkestan) (Kolonial'naya revolyutsiya (Opyt Turkestana). Almaty "Zhalyn", 200 s.
- Ryskulov T. (1925). Revolution and the indigenous population (collection of the main articles, reports, speeches and theses) (Revolutsiya i korennoye naseleniye (sbornik glavneyshikh statey, dokladov, rechey i tezisov). With a preface by the author, parts 1. 1917-1919, Uzbek State Publishing House, Tashkent.
- Vologodskii P.V. (1929). Papers, 1918-1928. Prime minister, Wite Russian Omsk, government, 1918-1919. Hoover institution archives. Stanford (Arkhivy uchrezhdeniya Guvera. Stenford, Kaliforniya), box №1 XX 566 – 8m.40.
- Hoover institution archives. Stanford, California (Arkhivy uchrezhdeniya Guvera. Stenford, Kaliforniya). Annenkov Boris Vladimirovich 1890-1927. Orders. 1 Folder.
- List of excluded members R.K.P. Karkala district. (Spisok isklyuchennykh chlenov R.K.P. Karkalinskogo uyezda) GAVKO.f.13. op.1.d.13.
- S.L. Voisekhovskii Hoover institution archives. Stanford, California (Arkhivy uchrezhdeniya Guvera. Stenford, Kaliforniya). Box №1. Голощекин. с. 173-182.
- Hoover institution archives. Stanford, California. XX 196 – 10.V. 1 Folder.
- Hoover institution archives. Stanford, California. (Arkhivy uchrezhdeniya Guvera. Stenford, Kaliforniya) Telegram from Mr. de Martel, French charge d Affaires at Omsk to French Ministru of Foreign Affaires. Despatched Omsk 4th June > Received Paris 5th June > 1919 Most UR Cent.
- Kazakov V.K. (1992). "Forgive me, great admiral! ..." Collection of Barnaul: Altai book publishing house (Prosti, velikiy admiral!...). Sbornik. Barnaul: Altayskoye knizhnoye izdatel'stvo), 72 s.
- Hoover institution archives. Stanford, California. (Arkhivy uchrezhdeniya Guvera. Stenford, Kaliforniya) D.P. Pershin. box №1, 2, 8. XX 579-21.03.
- 0 Smele J.D. (2015). The "Russian" Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World. London, 10-35 pp.